

# СТАРЫЙ ДОМ

*Людмила Ртищева*

Ночью за стеной, в маленькой комнате, что-то упало. По звуку – громоздкое, но не тяжёлое. Это меня и разбудило. Но больше никто не проснулся. Даже всегда чуткие кошки спали, тесно прижавшись друг к другу у меня в ногах, поверх одеяла.

Я полежала, прислушиваясь, но встать не стала, боясь потревожить кошек, которые сразу побежали бы на кухню, требуя, чтобы их накормили.

Утром, зайдя в соседнюю комнату, я увидела лежавшую на полу коробку из-под компьютера, которую мы уже давно собирались убрать со шкафа в кладовку, да всё руки не доходили.

– Коробка упала со шкафа, – сказала я, наливая мужу кофе.

– Дуська постаралась? – спросил он, глядя на белую ангорскую кошку, которая любила запрыгивать на коробку прямо с того самого компьютера, стоящего на письменном столе.

– Нет. Коробка упала ночью, когда Дуська спала рядом со мной.

Про флегматичную Аришку муж и спрашивать не стал – чёрная персидская кошка даже на стул запрыгивала не всегда с первого раза, а тут – шкаф!

– Тогда вибрация. – Физики всегда находят объяснение необъяснимым вещам.

В подтверждение словам мужа тоненько зазвенели стёкла в окнах, и стоящая на холодильнике лампа опасно двинулась к краю: мимо дома прошёл тяжёлый грузовик.

– Значит, вибрация, – согласилась я, вставая и отодвигая лампу от края. Но когда муж ушёл на работу, взяла стремянку и полезла на шкаф. На его пыльной поверхности был ясно виден чистый четырёхугольник, обозначивший место, где стояла коробка, – у самой стены. И никаких следов её движения к краю.

Я стёрла пыль, думая, что вибрация не заставила бы коробку «спрыгнуть» со шкафа. Это была иная, неведомая мне сила...

За вечерним чаем я поделилась своей мыслью с мужем.

– Ну, давай посмотрим на этот твой «нетронутый четырёхугольник», – сказал он, вставая из-за стола.

– Да я уже всю пыль вытерла...

Муж только пожал плечами, но было видно, что он считает всё это моими фантазиями.

...Ночью я долго не могла заснуть, прислушиваясь к звукам дома. Изредка в ответ на грохот проезжающих мимо тяжёлых машин жалобно позвякивали оконные стёкла. Но и в промежутках не было абсолютно тихо – в комнате что-то потрескивало и поскрипывало.

Эти звуки мне были знакомы – я слышала их, когда жила в новом доме. «Здание даёт усадку», – говорили строители. А потом приходили подмазывать трещины на стенах и потолке, подбеливать, подкрашивать, переклеивать обои.

Но какая может быть «усадка», когда дому уже больше ста лет?

...Утром, ещё не вставая с постели, я внимательно рассмотрела потолок и стены. Трещинок не было видно, но обои в самом верху кое-где отогнули уголки и чуть разошлись.

– Обои в большой комнате отклеились, – сказала я мужу, заходя на кухню, где он уже заканчивал завтракать.

– Вот твой хваленый «Мителлан»! – только и сказал он.

Мог бы, конечно, предположить, что в комнатах стало слишком жарко и сухо – на улице +15, а отопление ещё не отключили. Помню – однажды уже было такое: у нас тогда даже обложки на книжках загнулись.

А ещё мог съехидничать: «Клеильщик такой!», намекая на то, что обои в квартире клеила я.

Но он сказал только про клей, потому что уже опаздывал на работу.

Как только муж ушёл, я, даже не позавтракав, а лишь выпив кофе, взяла клей ПВА, кисточку, стремянку и полезла подклеивать обои.

...Вечером, пока готовился ужин, муж пошёл посмотреть, где там отвалились обои. Но обнаружил, что всё в порядке. И хотя я сказала, что уже их подклеила, снова посмотрел на меня так, будто я опять что-то выдумала...

С этого дня я стала присматриваться и прислушиваться к дому. Я чувствовала, что с ним что-то происходит. Он жил какой-то своей жизнью, скрытой от моих глаз. Иногда, сидя с кошками в большой комнате в уголке дивана, я слышала какое-то движение в другой части квартиры – то будто что-то просыплется, то звякнет или грохнет. А выходя на звук, обнаруживала куски отвалившейся штукатурки на полу или новую трещину в стекле кухонной двери.

А иногда замечала, как та или другая кошка сидит напротив какой-нибудь стены, уставившись в одну точку, и только подёргивает ушами, словно прислушиваясь.

Я не сразу поняла, но потом вспомнила, что началось всё это ещё летом, когда мы узнали, что дом скоро будет расселён. Сразу задребезжали ослабленные стёкла, заскрипели полы. Тогда меня это не удивило, потому что и окна, и паркет давно уже не ремонтировались...

Но теперь я следила за всем, что происходит, очень внимательно. И каждым утром, проснувшись, или вечером, придя с работы, замечала признаки того, что дом ветшает. С потолков тихо посыпалась побелка, на оконных рамах и подоконниках начала облупливаться краска. Пол теперь не просто скрипел, а выщёлкивал дощечки, вторя шагам. И в конце концов в паркете появились большие прорехи.

Тогда я взяла клей и вернула дощечки на место. Потом переклеила обои – там, где они отошли или были ободраны кошками. Затем, вспомнив о

дребезжащих стёклах, промазала их оконной замазкой. После этого мне захотелось покрасить рамы и подоконник...

Как только у меня появлялось свободное время, я бралась за инструменты и боролась с вновь и вновь появляющимися следами разрушения.

– Может, дом чувствует, что нас скоро выселят. Но ведь расселение – это ещё не снос. Кто станет ломать такой крепкий дом? Наверное, его отдадут колледжу, который находится в нашем дворе. Или сделают общежитием, или каким-нибудь офисным центром, – я говорила всё это мужу, но обращалась к той силе, что разрушала наш дом.

– Конечно, вряд ли его снесут, – поддакнул муж, глядя в телевизор и пропустив мимо ушей слово «чувствует», которое я использовала по отношению к дому. Но после программы новостей он вернулся к незаконченному разговору:

– Дом всё равно расселят, и напрасно ты тратишься на этот никому не нужный ремонт. Побереги силы и средства для новой квартиры.

– Что ж теперь – жить в разрухе? – возразила я.

Муж пожал плечами: делай, мол, как знаешь.

Кошки тоже не одобряли моей деятельности. Они не любили закрытых дверей и всегда стремились в ту комнату, где что-то сохло и были разложены строительные материалы и рабочий инструмент. А забежав туда, опрокидывали банки с краской или с разбегу пытались запрыгнуть на свежевыкрашенный подоконник.

Я гоняла кошек, спорила с мужем. И только дом одобрял мои действия, перестав дребезжать стёклами, скрипеть полами и трещать отклеивающимися обоями. Он даже посветлел, сияя чисто вымытым, а кое-где и ошкуренным, паркетом. И всем своим видом будто говорил: «Будем жить!».